

Перри Морин
(Бирмингем)

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ И ВОПРОС О ВЫДАЧЕ МОСКОВСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ САМОЗВАНЦА ТИМОФЕЯ АНКУДИНОВА (1650 г.)

В сложной истории украинско-русских отношениях 1648–1654 гг. требование московского правительства выдачи самозванца Тимофея Анкудинова играло интересную, но малоизученную роль¹.

В 1643–1644 г. московский подьячий Анкудинов (Акундинов, Акиндинов, Анкидинов) бежал в Польшу. Из Польши он направился в Константинополь, где называл себя царевичем Иваном Шуйским, сыном царя Василия Ивановича, умершего (бездетным) в польском плену в 1612 г. В 1648 г. Анкудинов отправился в Рим, потом вернулся через Венгрию в Речь Посполитую².

¹ О деле Анкудинова в общем контексте событий 1650 г. см., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. – М., 1961. – Кн. V. – С. 564–571; *Hrushevsky M.* History of Ukraine – Rus'. – Volume 9, Book 1: The Cossack Age, 1650–1653. – Edmonton and Toronto, 2005. – Рр. 40–41, 54–56, 68, 113–132, 153–154, 161–162, 221, 224–226, 274; *Смолий В.А., Степанков В.С.* Богдан Хмельницкий. Социально-политичний портрет. – 2-ге видання, доповнене, перероблене. – Київ, 1995. – С. 270, 273, 282, 284, 286, 287.

² О карьере Анкудинова, см., например: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – С. 464–467, 564–571, 607–611; *Симченко Ю.Б.* Лже-Шуйский П. Православный, мусульманин, католик, протестант // Русские: Историко-этнографические очерки. – М., 1997. – С. 14–41; *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). – С.-Петербург, 2003. – С. 99–104; *Мошин В.А.* Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII в. Сборник статей. – М., 1961. – С. 491–511; *Longworth P.* Ankudinov, Timoshka (1617–1653) // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. – Vol. 2. – Gulf Breeze, Florida, 1976. – Рр. 2–4; Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII в. в. – Ленинград, 1970. – С. 85–90 (стихотворная декларация Анкудинова московскому посольству в Турцию); *Дубовик В.В.* Материалы по истории самозванца Т. Анкудинова в архивах Италии, Югославии, Эстонии, Швеции, Дании, Германии // Вестник архивиста: информационный бюллетень. – [М.], 1999. – № 4–5 (52–53). – С. 124–130; *Дубовик В.В.* Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2003. – № 2. – С. 83–98; *Дубовик В.* Самозванцы. «Сыновья» Шуйского и их судьба // Родина. – 2005. – №11. – С. 31–34.

В 1650 г. Анкудинов появился на Украине, где сначала называл себя царевичем Иваном Васильевичем Шуйским и старался собрать войско запорожских казаков для вторжения в Московское государство. 1 августа 1650 г. русский монах Арсений Суханов, будучи в Торговище, узнал от одного бывшего киевского протопопа, что

в великой де пост был у них в Киеве человек, называет себя князь Иван Шуйской, а ныне он живет при гетмане Богдане Хмельнитцком и просил де у гетмана людей, чтоб ему ити на Московское государство войною³.

Не исключено, что Богдан Хмельницкий и его писарь Иван Выговский сначала собирались поддерживать Анкудинова. Сами Запорожские казаки, однако, не хотели помогать самозванцу. 23 сентября приехал в Торговище казацкий есаул Григорий, который сообщил Суханову, что

при гетмане де при Богдане ныне живет князь Иван Васильевич Шуйской, и гетман де указал ему давать корм. Да он же де было почал прибирать войско, чтоб ему ити на Московское государство, и то де сведали их начальныя казаки, и в том ему запретили, чтоб он такой замысел отставил, и смуты б не чинил меж православных христиан, а живет де в Лубнах в монастыре⁴.

Не получив военной поддержки запорожцев, Анкудинов называл себя просто «князем Шуйским», внуком (т.е., уже не сыном) царя Василия, и говорил, что хочет вернуться в Россию. Потом он раздумал, и остался на Украине, где жил в Лубнах, в Мгарском монастыре, под покровительством Богдана Хмельницкого⁵.

Царь Алексей Михайлович боялся, что Анкудинов получит военную поддержку украинских казаков. У запорожцев была традиция поддержки самозванцев. К концу XVI века они поддерживали разных претендентов (включая самозванцев) на молдавский престол.⁶ В Смутном времени в России в начале XVII в. они поддерживали и Первого и Второго Лже-дмитриев⁷. После окончания Смутного

³ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах (далее: ВУР). – М., 1953. – Т. II: 1648 – 1651 годы. – № 76. – С. 183.

⁴ Там же. – С. 184.

⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 564–567; ВУР. – Т. II. – № 163. – С. 375–378; Там же. – № 181. – С. 418; Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. – Т. III. – С.-Петербург, 1848. – № 73. – С. 261–265.

⁶ Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века). – Кишинев, 1961. – С. 44–69.

⁷ О самозванцах Смутного времени см., например: Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles. –

времени, никакие новые русские самозванцы не находили содействия в Запорожье, но в первой половине XVII века слухи часто распространялись и в России и в Речи Посполитой, что новый самозванец (Лжедмитрий или его лже-сын, «царевич» Иван Дмитриевич) появился на Украине и что казаки там оказывают ему военную помощь. Такие слухи нередко распространяли польские дипломаты, надеясь испугать русское правительство призраком новой Смуты. При этом король всегда уверял русских, что он сам не верит в подлинность этих самозванцев, и что он запрещал украинским казакам оказать им содействие⁸.

Итак, в первой половине XVII в. создавался и в России и в Речи Посполитой стереотип казаков как приверженцев самозванцев. Возможно, что сам Анкудинов усвоил этот стереотип, и поэтому искал поддержку именно на Украине.

Когда Анкудинов жил на Украине, московское правительство неоднократно пыталось добиться выдачи его в Россию.

В мае 1650 г. царь Алексей Михайлович приказал своим послам в Варшаву, Григорию Гавриловичу и Степану Гавриловичу Пушкиным, требовать у польского правительства выдачи Анкудинова⁹. В своих переговорах с королем и панами рады русские послы ссылались на условия Поляновского мирного договора 1634 г. и на договор московских бояр с польским послом Гаврилом Стемпковским в 1644 г. о выдаче самозванца Лубы (лже-царевича Ивана Дмитриевича). Поляки возразили, что русский договор с Стемпковским относился только к подданным польского короля, а не к беглецам из московского государства;¹⁰ и что, по условиям Вечного мира, ни польское ни московское правительство не отдадут друг другу беглецов. Русские послы ответили, что Тимошка – не обычный беглец; он живет в Запорожском Войске, где он ложно называется царским именем и «чинит в людех смуту».¹¹ Если поляки не отдадут его, то русские станут считать, что они, «наруша вечное dokonчанье, хотят держать тово вора к подысканью Московского государства»¹². Наконец польский король Ян Казимир неохотно согласился на требование русских послов и

Cambridge, 1997; *Dunning C.S. L. Russia's First Civil War; the Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty.* – University Park, Pennsylvania, 2001.

⁸ *Соловьев С.М.* Указ. соч. – С. 115–116, 156–157.

⁹ ВУР. – Том II. – № 144. – С. 342–344.

¹⁰ Луба был сыном польского шляхтича. О нем см. *Соловьев С.М.* Указ. соч. – С. 248–254, 366, 460–461, 470, 471, 541, 571.

¹¹ ВУР. – Т. II. – № 144. – С. 346, 347.

¹² Там же. – С. 348

отправил на Украину русского дворянина Петра Протасьева и польского шляхтича Юрия Ермолича для поимки самозванца¹³.

В сентябре 1650 г. Протасьев и Ермолич имели встречи с Хмельницким в Ямполе, но гетман отказался выдать Анкудинова, ссылаясь на казачью традицию – не выдавать беглецов. Протасьев возразил, что лже-царевич не является обычным беглецом; Хмельницкий согласился, но говорил, что он не знает, где Тимошка теперь находится¹⁴. Потом гетман послал в Лубны свой универсал о выдаче самозванца Протасьеву, и обещал посланникам, что он пришлет Анкудинова царю. Но Протасьев и Ермолич не нашли самозванца ни в Лубнах ни у воеводы Адама Киселя в Киеве¹⁵.

В октябре русский посол на Украину Василий Унковский нашел Анкудинова в Чигирине, и просил Хмельницкого отдать ему самозванца¹⁶. Унковский объяснил гетману, что самозванчество Анкудинова бесчестит покойного царя Василия Шуйского, и также бесчестит Московское государство:

И таким именем непристойным себя называет такой худой человек, и тем позорит и по смерти великого монарха, государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, и государство Московское тем бесчестит и делает ссоры¹⁷.

В переговорах с Унковским, гетман отказывал ему в выдаче самозванца. Хмельницкий повторил довод, раньше приведенный им Протасьеву и Ермоличу: «здесь казаки, и вольность всякая: человеку вольно к нам приехать отвсюду и жить безпечно»,¹⁸ а затем прибавил: «У нас здесь – что на Дону: кто откуль не приедет, выдачи нет»¹⁹. Потом гетман привел новый аргумент: если он выдаст Анкудинова царю, а сам потом хочет бежать в Московское государство «от неприятелей своих от лехов»,²⁰ царь может отдать его королю, и король, возможно, казнит

¹³ Там же.

¹⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч. – С. 567.

¹⁵ Там же. – С. 569; ВУР. – Т. II. – № 144. – С. 350–351. Ср. Там же. – № 181. – С. 417.

¹⁶ Там же. – № 181. – С. 411–417.

¹⁷ Там же. – С. 418.

¹⁸ Там же. – С. 417.

¹⁹ Там же. – С. 419. Ср. слова Ивана Выговского Арсению Суханову 6 ноября 1650 г.: «да и у вас, отче Арсение, на Дону тот же чин – никаких беглых людей не выдают» (Там же. – № 76. – С. 185). Показательно, что тогда как польское правительство в вопросе о выдаче беглецов ссылалось на условия Поляновского мирного договора, (см. Там же. – № 144. – С. 347.) Хмельницкий и Выговский ссылались на казацкие традиции, свойственные и запорожским и донским казакам.

²⁰ Там же. – № 181. – С. 418.

его²¹. Унковский ответил, что, если б Хмельницкий действительно искал убежище в Московском государстве, то он приехал бы служить царю как властный человек, и не назвался бы чужим именем. Анкудинов, наоборот, «не в пристойное имя влыгаецца, и таких воров во всех государствах отдают»:²² польский король, например, послал Лубу в Россию, и Волошский господарь выдал московскому посланнику Богдану Дубровскому другого самозванца [лже-Симеона Шуйского, в 1640 г. – М. П.]²³.

Хмельницкий говорил, что сам готов казнить Анкудинова, если услышит, что тот называется не только сыном царя Василия, но даже простым князем,²⁴ но ему нельзя выдать его царю без войскового ведома:²⁵ чернь встанет, если он отдаст «людей вольных в неволю»;²⁶ но он собирается договариваться со всеми полковниками и старшинами. Если они согласятся, он пошлет Анкудинова царю со своими посланцами²⁷. 21 октября, когда Унковский готовился к отъезду от Чигирина, гетманский писарь Иван Выговский подтвердил ему обещания Хмельницкого о выдаче Тимошки царю:

²¹ Там же. Ср. слова Хмельницкого Суханову, 9 ноября: «отче Арсение, каково то будет, естли я ныне перееду ко государю к Москве, а король меня у государя просит будет, и государь меня королю выдаст, и король меня убьет.» (Там же. – №76. – С. 190.) Этот вопрос был уместным, так как после восстания Хмельницкого русское правительство предоставляло убежище запорожским казакам, которые спасались от польского войска. См. например: Там же. – №46. – С. 100–101. См. также наказ Лариону Лопухину, московскому послу на Украину в январе 1651 г.: «А будет гетман учнет говорить: хотя они с поляки и помирились, только от них опасны, и только от них будет им какое утеснение и им опричь государевы милости детца негде, и Лариону велено говорить: хто ко государю приезжал и те пожалованы. А он, гетман, также пожалован будет честью и именем большим. Да и те, хто с ним приедут, пожалованы будут государевым жалованием и землями. Да и наперед сего то бывало, которые чесные люди приезжали, и те были пожалованы.» (Там же. – №211. – С. 489.)

²² Там же. – № 181. – С. 418.

²³ Там же. Луба был привезен в Москву для допроса, а потом отпущен обратно в Польшу. (Соловьев С.М. Указ. соч. – С. 248–254, 460–461, 470, 471.) Русский посол Б.М. Дубровский убил Лже-Симеона Шуйского, и привез его голову и кожу в Москву. (Там же. – С. 566; Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М., 2000. – С. 106–107; Дубовик В. Самозванцы... – С. 32.) В Чигирине Унковский пытался нанять казака, который согласится убить Анкудинова, но ему это не удалось. (ВУР. – Т. II. – № 181. – С. 416.)

²⁴ ВУР. – Т. II. – № 181. – С. 418.

²⁵ Там же. – С. 417.

²⁶ Там же. – С. 419. Ср. слова Выговского Суханову, 6 ноября: «как де нам выдать его: ино нам и самим от войска напытать дела потому, что таких у нас звычай не повелось...» (Там же. – № 76. – С. 186.)

²⁷ Там же. – № 181. – С. 419.

А ныне ево вам не отдал, впрямь боясь от войска, для того: только случитца вся чернь вместе, хто с ними зговорит? Тотчас нас обеих [очевидно, Выговского и Хмельницкого – М. П.] убьют до смерти. А ныне с полковники да старшинами договорися подлинно, по вашему договору, зделает, пришет тово Тимошку с своими посланцы к государю²⁸.

Не ясно, действительно ли существовала опасность восстания «черни» против Хмельницкого, если б он выдал Анкудинова царю, или гетман просто пользовался этим аргументом для того, чтобы оправдывать свой отказ перед русским посланником. Речь гетмана о совещании с полковниками и старшиной, конечно, создавало вид демократизма (правда, демократии без «черни»), но такое совещание²⁹ также продлило процесс и отложило окончательное решение.

Наконец, в начале ноября приехал в Чигирин русский монах Арсений Суханов, который подал Выговскому письмо от иерусалимского патриарха Паисия с просьбой Хмельницкому отдать Анкудинова царю³⁰. Выговский объяснил Суханову, что гетман уже сообщил посланникам царя и короля, что ему нельзя выдать Анкудинова, но что он теперь собирается выслать Анкудинова из Запорожья: «мы учиним так: выбьем его из своей земли, откуда он пришел, туда и поди»³¹. Суханов уверил писарю, что царь будет считать отказ гетмана выдать самозванца московскому правительству и его решение выслать его из пределов Украины враждебным актом³². Выговский еще раз объяснил Суханову, что выдавать беглецов – это не в обычае у запорожских казаков; и он убеждал русского монаха, что Анкудинов не получает поддержки на Украине («зде де у нас ниhto к нему не приставет, с кем он пришел, с теми и живет»)³³ и что самозванец у них не пользуется никаким влиянием³⁴.

9 ноября у Суханова было свидание с Хмельницким. Разговаривали о преступлениях Анкудинова: убийца ли он, или просто вор? Гетман

²⁸ Там же. – С. 421, см. также С. 440.

²⁹ «Дума»: Там же. – С. 440.

³⁰ Там же. – № 76. – С. 185.

³¹ Там же. Возможно, что это решение было принято Хмельницким и Выговским до совещания казацких офицеров: см. *Hrushevsky M.* Op. cit. – Pp. 154, 161–162.

³² ВУР. – Т. II. – № 76. – С. 186.

³³ Там же. В октябре 1650 г. чигиринский атаман Алексей сказал русскому послу Василию Унковскому, что Анкудинова поддерживает и поощряет русский изменник Бориско Тимофеев сын Грязной. (Там же. – № 181. – С. 419, 420.) О слухах на Украине и в Польше о том, что Анкудинов собирает большую армию, см. *Hrushevsky M.* Op. cit. – P. 122.

³⁴ ВУР. – Т. II. – № 76. – С. 186.

уверил Суханова в том, что Тимошка говорил на Украине, что он бежал из Москвы потому, что совершил там убийство: «и нам забийца отнюдь нельзе выдать», утвердил Хмельницкий³⁵. Русский монах сказал гетману:

что беглых или воров или забийц выдать, то есть дело малое и просить его никто не станет. А что называтись кому царским сыном, то есть дело необычное и странное, в том тебе греха не будет, что ево ко государю и отошлешь³⁶.

Но гетман ответил, что Тимошка у них не называется царским сыном, а просто князем Шуйским.³⁷

11 ноября Выговский показал Суханову лист Хмельницкого царю, о запрещении Анкудинову жить на Украине.³⁸ Писарь уверил монаху, что гетман недоволен самозванцем, и «казаки на него стали кручинится и меж себя переговаривать, что преже де сево от таких [самозванцев – М. П.] проливались крови многие»³⁹.

Гетман выслал самозванца из Запорожья к трансильванскому князю Дьерду II Ракоци. Из Венгрии Тимошка уехал в Швецию⁴⁰. В 1653 г. его выдали из Голштинии русскому правительству, и он был казнен в Москве.

Несмотря на современный стереотип запорожцев как приверженцев самозванцев,⁴¹ они не хотели оказать Анкудинову военное содействие

³⁵ Там же. – С. 190. Суханов убеждал гетмана, что Анкудинов никого не убил (Там же), но ср. рассказ Унковского Хмельницкому о том, что Тимошка «на Москве своровал, учинил смертное убойство, жену свою убил до смерти». (Там же. – № 181. – С. 417.)

³⁶ Там же. – № 76. – С. 190.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. – С. 191; См. лист Хмельницкого царю Алексею Михайловичу: Там же. – № 190. – С. 464.

³⁹ Там же. – № 76. – С. 191.

⁴⁰ В 1652 г. его товарищ Костка Конюховский рассказывал у пытки в Москве: «Как был Тимошка у Хмельницкого и послышал о псковском смятенъе [псковском восстании 1650 г. – М. П.], то начал просить гетмана, чтоб отписать об нем к шведской королеве, и Хмельницкий отказал, потому что у него ссылки с шведскою королевою нет, а напишет об нем к Рагоци.» (Соловьев С.М. Указ. соч. – С. 610.) Костка добавил: «Теперь своему замыслу Тимошка ни от кого помощи, кроме черкас, не чаёт, писарь Выговский ему друг и брат названный, по нем он надежду на черкас имеет. Как был он у Хмельницкого, и в то время, умысля с Выговским, писал к крымскому, чтоб тот принял его к себе, но крымский ничего на это ему не отвечал.» (Там же.)

⁴¹ Стереотип продолжал свое существование: в 1673 г., после поражения восстания под предводительством Степана Разина, появился в Запорожье Лже-царевич Симеон Алексеевич, но кошевой атаман Иван Серко выдал его московскому правительству: см., например, *Perrie M. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack*

против России; но, с другой стороны, они не были готовы выдать его царскому правительству. При таких обстоятельствах решение Хмельницкого выслать его из Украины являлось разумным – и, возможно, единственным возможным – выходом из трудного положения.

Доводы, приведенные Богданом Хмельницким в пользу его отказа выдать Анкудинова русскому правительству, были основательными. Но надо также иметь в виду более общий контекст русско-польско-украинских отношений после Зборовского мирного договора 1649 г. Зборовский мир был непрочным, и Хмельницкий продолжал искать союзников. При неохоте московского правительства оказать военную помощь украинцам в их борьбе с Польшей, присутствие русского самозванца в Запорожье предоставило Хмельницкому возможность оказать давление на Россию. Русские боялись не только союза украинцев с Крымом и Турцией против Московского государства, но также вторжение запорожских казаков в Россию в поддержку самозванца, как в Смутное время начала XVII в. Хмельницкий, однако, не оказал военную помощь Анкудинову, и вместе с крымцами вступил не в Московию, а в Молдавию. Но царь, несмотря на такие знаки дружбы со стороны гетмана, еще не был готовым на войну с королем, и русское правительство не делало новых уступок запорожцам (возможно, попытка гетмана играть самозванческую карту дала противоположный результат)⁴². Хмельницкий в свою очередь не согласился на выдачу Анкудинова.

Этот эпизод во многих отношениях своеобразен, но материалы дела Анкудинова бросают свет не только на отношение казаков к феномену самозванчества, но также на разные более широкие аспекты русско-украинских отношений (например, на взаимное право переселения и убежища), и также на вопрос о том, как принимали решения в новом казацком государстве⁴³.

‘Tsareviches’ in *Seventeenth-Century Russia* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. – Band 56. – 2000. – Pp. 252–253.

⁴² См. *Torke H.-J.* *The Unloved Alliance: Political Relations between Muscovy and Ukraine in the Seventeenth Century* // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter*. – Ed. Peter P. Potichnyj et al. – Edmonton, 1992. – P. 44.

⁴³ О ролях войсковой рады, старшинской сходки и самого гетмана, см., например, *Plochy S.* *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. – Oxford, 2001. – Pp. 209–220.

Perrie Maureen

Bohdan Khmelnytsky and extradition question of impostor Timofey Ankudinov to Moskow government (1650)

In 1643/4 the chancellery clerk Timofei Ankudinov fled from Moscow to Poland and then to Constantinople, where he called himself Tsarevich Ivan Shuiskii, the son of Tsar Vasiliï Shuiskii, who had died (childless) in Polish captivity in 1612. In 1650 Ankudinov appeared in Ukraine, where he tried to recruit an army of Zaporozhian cossacks to invade Muscovy. The cossacks did not support him, however, and he then called himself simply 'Prince Shuiskii', Tsar Vasiliï's grandson, and lived in the Mhar monastery at Lubny under Bohdan Khmel'nyts'kyi's protection.

The Russian government was afraid that Ankudinov would obtain military support from the Ukrainian cossacks in order to attack Muscovy, as pretenders had done in the Time of Troubles in the early 17th century. They made repeated attempts to obtain Ankudinov's return to Moscow. King Jan Kazimierz agreed to the demand of the Russian ambassadors G.G. and S.G. Pushkin for the pretender's extradition, and sent envoys to Khmel'nyts'kyi, but the hetman argued that the cossacks did not return fugitives. Khmel'nyts'kyi made the same argument to the Muscovite ambassador to Ukraine, Vasiliï Unkovskii, and to the Russian monk Arsenii Sukhanov. Khmel'nyts'kyi and his secretary Ivan Vyhovs'kyi also argued that the rank-and-file cossacks would protest if Ankudinov was handed over to the tsar without their agreement. On 11 November 1650 Khmel'nyts'kyi expelled Ankudinov from Ukraine. The pretender went to George II Rakoczi in Transylvania, then to Sweden. He was finally extradited from Holstein and executed in Moscow in 1653.

In view of the fact that the cossacks were willing neither to support Ankudinov against Russia, nor to hand him over to the tsar's government, Khmel'nyts'kyi's decision to expel him from Ukraine was a sensible compromise. The broader context of Russian-Polish-Ukrainian relations is also relevant. At a time when Khmel'nyts'kyi was seeking the tsar's assistance against Poland, the pretender's presence in Ukraine provided the hetman with an opportunity to exert pressure on Moscow. But the tsar did not offer any new concessions, and Khmel'nyts'kyi responded by refusing to extradite Ankudinov.